

Коваль Оксана Анатольевна

к. филос. н., доцент, Русская христианская гуманитарная академия

ОБРАЗ СОКРАТА В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Во все времена художественная литература обращалась к образу Сократа. Начиная с античности и вплоть до эпохи модернизма, персонаж Сократа получает самую разную смысловую нагрузку — в зависимости от того, что конкретно попадает в фокус внимания изящной словесности: его героическая смерть, нравственные принципы, любовные отношения, образ жизни, гражданская позиция. В статье предпринимается попытка проследить изменение представлений о философе и показать феномен Сократа как своего рода зеркало, в котором отражаются основные проблемы, веяния и духовные запросы времени.

Ключевые слова: Сократ, художественная литература, философия, культурная эпоха

Oxana Koval

CSc in Philosophy, associate professor, Russian Christian The image of Socrates in the world literature

Fiction appealed to the image of Socrates in all epochs. From the beginning with Latin antiquity right up until the modernism, the character of Socrates received a variety of meanings — depending on what exactly fell into the focus of writers' attention: his heroic death, ethical principles, relationships, way of life, civic position. There is an attempt to trace the change of different points of view on the figure of the philosopher and to show the phenomenon of Socrates as a kind of mirror in which the main problems, trends and spiritual demands of the time are reflected.

Keywords: Socrates, fiction, philosophy, cultural epoch

Где идеала нравственный оплот?
Тогда Сократ ведь тоже Дон-
Кихот!

Дж. Г. Байрон. «Дон-Жуан»

В начале XX в. Альфред Норт Уайтхед высказал смелую и оригинальную идею, что вся история философии представляет собой лишь комментарий к сочинениям Платона. Сам Платон многие мысли предпочел изложить устами Сократа. Существует немало споров относительно того, насколько литературный образ философа, созданный Платоном, соответствует реальному историческому прототипу. Однако какие бы ученые мнения ни высказывались на этот счет, литература отзывается на фигуру Сократа по-своему, обыгрывая ее во множестве версий и контекстов. Конечно,

Сократ едва ли занимает в художественной литературе столь значимое место, чтобы можно было счесть ее комментарием к его мысли и жизни, но, тем не менее, в каждую эпоху неизменно появлялись произведения, где Сократ становился главным или второстепенным действующим лицом.

В литературного персонажа Сократ превратился еще при жизни. Аристофановы комедии («Облака» – 423 г. до н. э., «Птицы» – 414 г. до н. э., «Лягушки» – 405 г. до н. э.) претендуют на то, чтобы наряду с воспоминаниями Ксенофонта и диалогами Платона занять место аутентичного исторического источника о жизни и деяниях Сократа. Правда, образ, выведенный Аристофаном, до того гротескный и уничижительный, что едва ли мог прийтись по душе самому мыслителю, даже при всей его открытости и легендарной самоиронии. Надо сказать, что влияние Аристофана на излете античности не уступало платоновскому. Так, Апулей, который называл себя платоником, тем не менее, в своем знаменитом романе «Метаморфозы, или Золотой осел» (153 г. н. э.) награждает персонажа по имени Сократ незавидной судьбой: поддавшись соблазну телесного наслаждения, забыв о детях и жене, он попадает во власть колдуньи Мерои, что доводит его до плачевного состояния. Но и этого мало: Апулей заставляет пережить Сократа сначала символическую смерть, а за ней и реальную; причем какая из них подлинная — сказать трудно. Мероя со своей подружкой совершают над ним кровавый ритуал отмщения, прирезав жертву во сне и вынув сердце из груди [см.: 1, с. 161].

Современник Апулея Лукиан в своей фантазии «Разговоры в царстве мертвых» (ок. 150 г. н. э.) тоже отводит Сократу весьма сомнительную роль. С одной стороны, он помещает его на острова блаженных, где Сократ — в полном соответствии с желаниями, высказанными в платоновской «Апологии» (41 b), — беседует с Нестором и Паламедом, наслаждаясь компанией миловидных юношей, в героические времена прославившихся своими умом, красотой и храбростью на всю Грецию. С другой стороны, Лукиан недвусмысленно намекает на обоснованность обвинений, выдвинутых против Сократа на суде, в которых ему инкриминировалось развращение молодежи. А что касается знаменитого эпизода мужественного поведения философа перед лицом смерти, столько красочно описанного Платоном в «Федоне», то у Лукиана он получает иную интерпретацию. Разговор, который главный герой сочинения Лукиана, попавший в загробный мир, затевает с Кербером, трехглавым псом у врат преисподни, уличает Сократа в весьма неблагоприятных целях, преследуя которые он так театрально обставил свой уход:

М е н и п п. <...> Скажи мне, ради Стикса, какой был вид у Сократа, когда он спускался к вам? <...>

К е р б е р. Издали, Менипп, казалось, что он идет совершенно спокойно и совсем не боится смерти; таким он хотел казаться тем, что стояли по ту сторону входа. Но когда он заглянул в расселину и увидел мрак и когда я, замечая, что он медлит, укусил его подобно цикуте и потащил за ногу, он заплакал, как младенец, стал горевать по своим детям и окончательно потерял самообладание.

М е н и п п. Да разве он не был софист? Разве не презирал смерти на самом деле?

К е р б е р. Нет, видя, что смерти ему не избежать, он лишь храбрился и притворялся, будто добровольно принимает то, что должно непременно случиться: хотел, чтобы присутствующие удивлялись ему [6, с. 462].

Эта смесь почтительности и панибратства, признания и насмешки, восхищения и обесценивания заслуг Сократа отличает литературу периода второй софистики. Однако с тех пор так зло смеяться над Сократом не позволяла себе никакая эпоха — вплоть до Ницше; и даже после него инвективы в адрес Сократа носили более щадящий характер, чем в древнем Риме.

Значительная доля в создании идеализированного образа Сократа приходится на Средние века. Во многом именно из-за своей мученической смерти и провозглашения бессмертия души — идей, столь созвучных христианскому мироощущению, — фигура античного мыслителя обретает сакральные черты, порой ставящие его в один ряд с Христом. Мудрость Сократа, которую при всей амбивалентности отношения к его личности, не мог игнорировать античный мир, подменяется в эру средневековья боговдохновенной верой, отступить от которой афинского философа не заставили ни общественное осуждение, ни смертный приговор. В «Романе о Розе» (1230, 1275) — одном из самых популярных произведений того времени, где в аллегорической форме излагается рыцарский любовный кодекс и объясняется природа любви, — поведение Сократа возводится в идеал, достойный подражания, не только для каждого порядочного человека и честного гражданина, но и подлинного христианина.

К Фортуне станешь равнодушен
И мудрости всегда послушен,
Как рассудительный Сократ. —
Везению он не был рад,
А в бедах — не был огорчен,
Поскольку убедился он,
Что счастье с горем не важны,
По весу своему равны.
Писал Солин во время оно:

Назвал оракул Аполлона
Сократа первым мудрецом.
Являло и его лицо
Полнейшую невозмутимость –
К судьбы ударам всем терпимость,
Каких он много перенес,
И даже яд к губам поднес
Он без малейшего смущенья, —
За веру в Господа мученье
Он от злодеев потерпел.
Но перед смертью не робел,
Других богов не признавая! [4, с. 182].

Смеховая средневековая культура тоже не обходит вниманием античного мудреца. Первый переводчик «Романа о Розе» на английский язык, на могильной плите которого красуется эпитафия, сравнивающая его с Сократом, создал совсем иного рода бестселлер, хотя главной темой и здесь выступает любовь. Речь идет о «Кентерберийских рассказах» (конец XIV в.) Джеффри Чосера, в которых сохранен дух далеких от куртуазности, народных представлений о любви и высмеиваются те глупости, на которые она подбивает человека. Чосер воспроизводит один из самых ходовых сюжетов, связанных с Сократом, сатирически обыгрывая его взаимоотношения с женой:

Муж злой жены — сколь жребий сей жесток!
Ведь вот Ксантиппа свой ночной горшок
Ему на голову перевернула,
И спину лишь покорнее согнул он,
Обтерся и промолвил, идиот:
«Чуть отгремело, и уж дождь идет» [9, с. 282].

Для литературы эпохи Возрождения и Нового времени личность Сократа оказалась поистине незаменимой, поскольку воплощала собой ренессансный идеал человека как универсального существа. Не отрицая того иконичного образа, который был создан во времена становления и развития христианства, она переносит своего персонажа с небес на землю, но совсем не в ущерб его совершенству. Сократ символизирует теперь не добродетели, необходимые для обретения блаженства в вечной жизни, а дух новой эры гуманизма и свободы, пренебрегающий будущим, загробным существованием, ради настоящего, происходящего здесь и сейчас. По меткому замечанию Вернера Йегера, этот образ настолько соответствовал актуальным моральным ценностям и раскрепощению разума, что «без упоминания Сократа не излагалась ни одна новая нравственная или религиозная идея, ни одно новое духовное движение не зарождалось без ссылки на него» [5, с. 48]. Так, Франсуа Рабле, сравнивая

свою великую книгу «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1533–1564) с обманчивой внешностью Сократа, с первых строк берет философа себе в союзники и заступники. В прологе он обращается к читателю с такими словами:

Достославные пьяницы и вы, досточтимые венерики (ибо вам, а не кому другому, посвящены мои писания)! В диалоге Платона под названием *Пир* Алкивиад, восхваляя своего наставника Сократа, поистине всем философам философа, сравнил его, между прочим, с силенами. Силенами прежде назывались ларчики вроде тех, какие бывают теперь у аптекарей; сверху на них нарисованы смешные и забавные фигурки, как, например, гарпии, сатиры, взнузданные гуси, рогатые зайцы, утки под выючным седлом, крылатые козлы, олени в упряжке и разные другие занятные картинки, вызывающие у людей смех, — этим свойством и обладал Силен, учитель доброго Бахуса, — а внутри хранились редкие снадобья, как то: меккский бальзам, амбра, амом, мускус, цибет, порошки из драгоценных камней и прочее тому подобное. Таков, по словам Алкивиада, и был Сократ: если бы вы обратили внимание только на его наружность и стали судить о нем по внешнему виду, вы не дали бы за него и ломаного гроша — до того он был некрасив и до того смешная была у него повадка: нос у него был курносый, глядел он исподлобья, выражение лица у него было тупое, нрав простой, одежда грубая, жил он в бедности, на женщин ему не везло, не был он способен ни к какому роду государственной службы, любил посмеяться, не дурак был выпить, любил подтрунить, скрывая за этим божественную свою мудрость. Но откройте этот ларец — и вы найдете внутри дивное, бесценное снадобье: живость мысли сверхъестественную, добродетель изумительную, мужество неодолимое, трезвость беспримерную, жизнерадостность неизменную, твердость духа несокрушимую и презрение необычайное ко всему, из-за чего смертные так много хлопочут, суетсяя, трудятся, путешествуют и воют [8, с. 29–30].

В эпоху романтизма особое влияние приобретает образ Диотимы как мудрой наставницы Сократа, проповедующей философию любви не столько в форме возвышенного теоретизирования, сколько в качестве определенного образа жизни, единственно достойного человека. Поднаторевший в этой науке поэт Фридрих Гельдерлин создает свой утонченный шедевр «Сократ и Алкивиад» (1798):

«Святой Сократ, что же ты чествуешь
Этакого юнца? Нет никого почтеннее?
Так глядишь на него, как будто
Он к сонму богов причтен?»

Кто глубины познал, влюблен в живейшее,
Зоркий зрит возвышенность юности,
И мудрец на закате
Склонен к прекрасному [3, с. 287].

Словами другого великого романтика Джорджа Байрона можно подытожить кредо индивидуалистского сознания новоевропейского человека, опирающегося на этические установки Сократа, — иногда сознательно, а зачастую даже не отдавая себе в этом отчета:

«Мы знаем только то, — сказал Сократ, —
Что ничего не знаем». И, как дети,
Пред Неизбежным смертные дрожат.
У каждого своя печаль на свете,
И слабый мнит, что Зло нам ставит сети.
Нет, суть в тебе! Твоих усилий плод —
Судьба твоя [2, с. 67].

Осип Мандельштам рисует Сократа очень доступным и близким, вполне земным:

Уже светло, поет сирена
В седьмом часу утра.
Старик, похожий на Верлэна,
Теперь твоя пора!

В глазах лукавый или детский
Зеленый огонек;
На шею нацепил турецкий
Узорчатый платок.

Он богохульствует, бормочет
Несвязные слова;
Он исповедываться хочет —
Но согрешить сперва.

Разочарованный рабочий
Иль огорченный мот —
А глаз, подбитый в недрах ночи,
Как радуга цветет.

А дома — руганью крылатой,
От ярости бледна.
Встречает пьяного Сократа
Суровая жена! [7, с. 86]

Однако это лирическое стихотворение под названием «Старик» (1913, 1937) выявляет и некоторые болевые точки века, которые условно можно обозначить как эмансипаторские движения. И хотя увиденный глазами Ксантиппы Сократ, разумеется, не вызывает сочувствия (Stefan Anders «Verteidigung der Xantippe» – 1960, Gerald Messadie «Madame Sokrate» – 2000), все же в литературном пространстве он мало-помалу превращается в рупор, способный многократно усилить голос тех, кто

по тем или иным причинам оказывается в XX веке ущемлен в своих правах. Это могут быть и права женщин (Delphica «Gastmahl der Xanthippe» – 1958), и права сексуальных меньшинств (Мэри Рено «Последние капли вина» – 1956), и права политической оппозиции (Friedrich Dürrenmatt «Der Tod des Sokrates» – 1990), и права жертв социальной несправедливости (Ларс Юлленстен «Смерть Сократа» – 1960), и права эксплуатируемых (Костас Варналис «Подлинная апология Сократа» – 1931), и права притесняемых по этническому или религиозному признаку (Cynthia Ozick «Puttermesser and Xanthippe» – 1982), и права художников или интеллектуалов (Сэйс Нотебоом «Следующая история» – 1993), и права инакомыслящих (Джозеф Хеллер «Вообрази себе картину» – 1988), и права влюбленных или сумасшедших (Wolfgang Köppen «Arme Diotima. Ein Märchen» – 1949, Энрике Вила-Матас «Бартлби и компания» – 2001). Всю трагическую панораму XX в. вобрал в себя как губка образ древнегреческого мыслителя.

Попытка проследить, какие стороны личности и философии античного мыслителя акцентировала в разные времена мировая литература, призвана была не столько показать интеллектуальную и этическую универсальность феномена Сократа, сколько выявить «исторический интерес» той или иной эпохи (включая современную), репрезентирующий среди прочего и смену культурных диспозитивов. Начиная с литературы латинской античности и вплоть до модернистского типа дискурса персонаж Сократа получает самую разную смысловую нагруженность — в зависимости от того, что конкретно попадает в фокус внимания изящной словесности: его героическая смерть, нравственные принципы, любовные отношения, образ жизни, гражданская позиция. Превалирование определенных мотивов в художественной литературе весьма показательно: образ Сократа выступает своего рода зеркалом, в котором отражаются основные проблемы, веяния и духовные запросы времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апулей. *Метаморфозы* / Пер. с лат. М. Кузмина // Петроний. *Арбитр*. Сатирик. Апулей. *Метаморфозы*. М.: Правда, 1993.
2. Байрон Дж. Г. *Паломничество Чайльд-Гарольда* / Пер. с англ. В. Левика // Байрон Дж. Г. *Паломничество Чайльд-Гарольда*. *Дон-Жуан*. М.: Художественная литература, 1972. С. 27–194.
3. Гельдерлин Ф. *Сократ и Алкивиад* / Пер. с нем. В. Куприянова // Гельдерлин Ф. *Гиперион*. Стихи. Письма. Сюжетта Гонтар. Письма Диотимы. М.: Наука, 1988.
4. Гийом де Лоррис, Жан де Мён. *Роман о Розе*. Средневековая аллегорическая поэма / Пер. с франц. И. Б. Смирновой. М.: ГИС, 2007.
5. Йегер В. *Пайдейя*. Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем) / Пер. с нем. М. Н. Ботвинника. М.: Греко-латинский кабинет, 1997.

6. Лукиан. Разговоры в царстве мертвых / Пер. с греч. С. Сребрного // Апулей. Апология, или О магии. Метаморфозы, или Золотой осел. Флориды. О божестве Сократа. Лукиан. Диалоги. Не-dialogические жанры. М.: Пушкинская библиотека, АСТ, 2005. С. 435–473.

7. Мандельштам О. Э. Старик // Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 1. Стихотворения. Проза / Сост. П. Нерлера и А. Никитаева. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1999. С. 86.

8. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. с франц. Н. Любимова. М.: Художественная литература, 1973.

9. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / Пер. с англ. И. Кашкина и О. Румера. М.: Художественная литература, 1973.